

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Астраханский государственный университет им В.Н. Татищева»
Астраханский государственный университет им В.Н. Татищева

Кафедра английской филологии

Письменный перевод

по книге Teun A. van Dijk

«Discourse, Knowledge and Ideology: Reformulating Old Questions and
Proposing Some New Solutions»

перевод стр. с 9 по 19

для сдачи кандидатского экзамена

по иностранному языку

(английский)

Выполнила:

Прокофьева Анна Сергеевна

аспирант кафедры английской филологии

Астрахань 2023

1. Knowledge

The argument about the (non-) ideological nature of knowledge hinges not only on a sound theory of ideology, but also on a theory of knowledge. We here enter a vast area of scholarly investigation, for instance in epistemology, and a host of theory fragments, for instance in cognitive science and the social sciences. Again, I can only highlight a few points of an old debate, ignoring huge areas of knowledge studies.

The classical definition of knowledge in epistemology is 'justified true belief.' (Among many other studies and classical texts, see, e.g., Greco and Sosa 1999, Lehrer 1990, Pojman 1999). In the last decades this definition has met with all kinds of objections (e.g., the well-known Gettier counterexamples), which however do not fundamentally affect the overall approach, but only show its irrelevance for a contemporary theory of knowledge. Indeed, virtually nowhere in current psychology and the social sciences these philosophical approaches to knowledge have much of an impact. In fact, they are largely ignored and virtually never cited.

Instead of engaging in a more detailed argumentation against the classical,

1. Знание

Довод о (не-)идеологической природе знания основывается не только на здоровой теории идеологии, но и на теории познания. Здесь мы вступаем в обширную область научных исследований, например, в эпистемологии, и множество фрагментов теории, например, в когнитивной науке и социальных науках. Опять же, я могу выделить лишь несколько моментов старой дискуссии, игнорируя огромные области исследований знаний.

Классическое определение знания в эпистемологии — это "обоснованное истинное убеждение". (Среди многих других исследований и классических текстов см., например, Греко и Соса 1999, Лерер 1990, Пойман 1999). В последние десятилетия это определение встречало всевозможные возражения (например, хорошо известные контрпримеры Геттье), которые, однако, принципиально не влияют на общий подход, а лишь показывают его неуместность для современной теории познания. Действительно, практически нигде в современной психологии и социальных науках эти философские подходы к знанию не оказывают большого влияния. На самом деле они в значительной степени игнорируются и практически никогда не цитируются.

Вместо того, чтобы вдаваться в более подробную аргументацию против

epistemological approach to knowledge, I shall simply summarize some of the features of my current approach to knowledge, and refer to other and future papers for details:

(1) Knowledge is belief that is shared by the members of a social or cultural community, the 'knowledge community' or 'epistemic community'.

(2) Knowledge is socially accepted and shared by members of the epistemic community on the basis of shared knowledge (evaluation) criteria.

(3) Knowledge criteria may be different in different epistemic communities (cultures, social groups, professional organizations, etc.) or in different historical phases of a community. Thus, common sense criteria of knowledge may be direct observation, reliable sources and correct inference. Criteria of religious, scientific or other communities may be different from these (changing) "common sense" criteria in everyday life.

(4) Because of the different knowledge criteria of epistemic communities, knowledge is by definition relative.

классического эпистемологического подхода к знанию, я просто обобщу некоторые особенности моего нынешнего подхода к знанию и сошлюсь на другие и будущие статьи для получения подробной информации:

(1) Знание — это убеждение, которое разделяют члены социального или культурного сообщества, "сообщества знаний" или "эпистемологического сообщества".

(2) Знание социально принимается и разделяется членами эпистемологического сообщества на основе критериев общего знания (оценки).

(3) Критерии знания могут отличаться в разных эпистемологических сообществах (культурах, социальных группах, профессиональных организациях и т.д.) или на разных исторических этапах развития сообщества. Таким образом, критериями знания, основанными на здравом смысле, могут быть прямое наблюдение, надежные источники и правильный вывод. Критерии религиозных, научных или других сообществ могут отличаться от этих (изменяющихся) критериев "здорового смысла" в повседневной жизни.

(4) Из-за различных критериев знания эпистемологических сообществ знание по определению относительно.

(5) The notion of "truth" (as in "true beliefs") will be reserved for statements or discourse — in specific assertion contexts — rather than for beliefs.

(6) Knowledge and beliefs are "intentional", that is, they are about things such as real or fictitious events or situations (states of affairs).

(7) Beliefs and hence knowledge are cognitively conceptualized in terms of mental representations of states of affairs characterizing situations (or "worlds").

(8) In interaction and discourse knowledge is attributed to self and others when it is shared by the speaker(s) or based on his or her knowledge criteria as shared by the recipients.

2. The cognitive dimension of knowledge

Alter these brief and more general remarks on knowledge, we obviously need to spell out the various theory components in some more detail. If knowledge is a kind of belief, and beliefs are mental phenomena of some kind then knowledge also needs to be analyzed in terms of some mental structure, such as representations, networks, etc. In this cognitive

(5) Понятие "истина" (как и в "истинных убеждениях") будет зарезервировано для утверждений или дискурса — в конкретных контекстах утверждения — а не для убеждений.

(6) Знания и убеждения являются "преднамеренными", то есть они касаются таких вещей, как реальные или вымышленные события или ситуации (положения дел).

(7) Убеждения и, следовательно, знания когнитивно концептуализируются в терминах ментальных представлений о состояниях дел, характеризующих ситуации (или "миры").

(8) Во взаимодействии и дискурсе знание приписывается себе и другим, когда оно разделяется говорящим(ами) или основано на его или ее критериях знания, разделяемых получателями.

2. Когнитивное измерение знания

Помимо этих кратких и более общих замечаний о знании, нам, очевидно, необходимо более подробно изложить различные компоненты теории. Если знание — это своего рода убеждение, а убеждения — это своего рода ментальные феномены, то знание также необходимо анализировать в терминах некоторой ментальной структуры, такой как

approach, I shall ignore the neurological basis of knowledge (see, e.g. Gazzaniga et al. 1998).

Despite much research in cognitive psychology and Artificial Intelligence, and today more generally in cognitive science, about knowledge and its mental structures and processes, it is still not quite clear what actually counts as knowledge in psychology or what not. In the psychology of discourse processing, the vague notion of 'knowledge of the world' is being used, maybe with some remarks on their representation as some kind of script, frame or similar structure, but there is no strict distinction between knowledge and belief (see, e.g., Britton and Graesser 1996, Markman 1999, Schank and Abelson 1977, Van Dijk and Kintsch 1983, Wilkes 1997). Indeed, as we have seen above, knowledge is simply belief that is socially shared or accepted on the basis of social criteria, and in that sense is as much a social or cultural notion as a cognitive notion.

In this perspective, we shall therefore again limit ourselves to a brief summary of some of the cognitive properties of knowledge that are relevant for our further analysis of the relations with ideology and the relations between knowledge and discourse.

представления, локальные сети и т.д. В этом когнитивном подходе я буду игнорировать неврологическую основу знания (см., например, Газзанига и др. 1998).

Несмотря на многочисленные исследования в области когнитивной психологии и искусственного интеллекта, а сегодня и в целом в когнитивной науке о знании и его ментальных структурах и процессах, до сих пор не совсем ясно, что на самом деле считается знанием в психологии, а что нет. В психологии обработки дискурса используется расплывчатое понятие "знания о мире", возможно, с некоторыми замечаниями об их представлении в виде некоего сценария, фрейма или подобной структуры, но строгого различия между знанием и утверждением нет (см., например, Бриттон and Грессер 1996, Маркмен 1999, Шенк и Абельсон 1977, Ван Дейк и Кинч 1983, Уилкс 1997). Действительно, как мы видели выше, знание — это просто убеждение, которое разделяется обществом или принимается на основе социальных критериев, и в этом смысле является таким же социальным или культурным понятием, как и когнитивным понятием.

Поэтому с этой точки зрения мы снова ограничимся кратким изложением некоторых когнитивных свойств знания, которые имеют отношение к нашему дальнейшему анализу отношений с идеологией и отношений между знанием и дискурсом.

<p>(1) Knowledge is a kind of socially shared belief represented in long term memory and partly used and applied in short term memory.</p>	<p>(1) Знание — это своего рода разделяемое обществом убеждение, представленное в долговременной памяти и частично используемое и применяемое в краткосрочной памяти.</p>
<p>(2) A traditional distinction is made between personal knowledge of personal experiences, represented in episodic (long term) memory as mental models of events or situations, and more general, social representations, stored in "semantic" — or rather "social" memory.</p>	<p>(2) Традиционно проводится различие между личными знаниями о личном опыте, представленными в эпизодической (долговременной) памяти в виде ментальных моделей событий или ситуаций, и более общими социальными представлениями, хранящимися в "семантической" или, скорее, "социальной" памяти.</p>
<p>(3) Knowledge is usually assumed to be represented in schematically organized ways, for instance as 'scripts' or similar formats, so as to facilitate its retrieval, activation and application.</p>	<p>(3) Обычно предполагается, что знания представлены схематически, например, в виде "сценариев" или подобных форматов, чтобы облегчить их поиск, активацию и применение.</p>
<p>(4) Discourse understanding and production as well as other forms of (inter) action presuppose the partial activation and 'application' of relevant fragments of knowledge. Depending on context (individual differences, aims, tasks, etc.) more or less of such knowledge may be activated and used.</p>	<p>(4) Понимание и производство дискурса, а также другие формы (меж) действия предполагают частичную активацию и "применение" соответствующих фрагментов знания. В зависимости от контекста (индивидуальные различия, цели, задачи и т.д.) большее или меньшее количество таких знаний может быть активировано и использовано.</p>
<p>(5) Activated general knowledge may be 'instantiated' or 'specified' in more specific representations of events or personal experiences, that is, in mental models stored in episodic memory.</p>	<p>(5) Активированные общие знания могут быть "обоснованы" или "конкретизированы" в более конкретных представлениях событий или личного опыта, то есть в ментальных моделях, хранящихся в эпизодической памяти.</p>

(6) General knowledge may be formed by generalization and abstraction from mental models (traditionally called "learning from experience") or by (re)combining different fragments of general knowledge, e.g., by inference or the reorganization of social representations.

(7) Discourse understanding generally involves the construction of mental models in episodic memory, in which more or less general knowledge is applied in the construction of the model. Similarly, discourse production presupposes the existence of such a mental model.

(8) Only relevant fragments of mental models are actually (or need be) expressed in discourse, depending on context constraints.

(9) Mental models of communicative events, or context models (or simply: contexts) represent the relevant properties of the social situation of the communicative event.

(10) Context models, and specifically their specialized knowledge device (K-device), regulate which knowledge of mental models may or must (not) be

(6) Общие знания могут формироваться путем обобщения и абстрагирования от ментальных моделей (традиционно называемого "обучением на опыте") или путем (пере)объединения различных элементов общего знания, например, путем умозаключения или преобразования социальных представлений.

(7) Понимание дискурса обычно предполагает построение ментальных моделей в эпизодической памяти, в которой при построении модели применяются более или менее общие знания. Аналогичным образом, речевая деятельность предполагает существование такой ментальной модели.

(8) Только соответствующие фрагменты ментальных моделей действительно (или должны быть) выражены в дискурсе, в зависимости от контекстных ограничений.

(9) Ментальные модели коммуникативных событий, или контекстные модели (или просто: контексты), представляют соответствующие свойства социальной ситуации коммуникативного события.

(10) Контекстные модели, и, в частности, их специализированное устройство знаний (З-устройство), регулируют, какие знания о

more or less explicitly expressed in discourse, or be left wholly or partially implicit.

This brief summary leaves many questions unanswered, for instance about the nature of knowledge representations and the ways knowledge is stored, retrieved, activated, used and de-activated in all kinds of cognitive tasks, such as interaction and discourse. We do know some more details of the properties of knowledge described above, but many of the more fundamental issues are still mysterious. Indeed, a truly detailed psychological theory of knowledge is still on the agenda, especially also its cognitive-social interface in social psychology.

3. Towards a typology of knowledge

One of the elements of such a theory that has been neglected both in epistemology and psychology is a first typology of knowledge. Instead of the traditional, vague notion of "knowledge of the world", used in cognitive science, we need a much more detailed and articulated formulation of different sorts of knowledge. This is necessary, among other things, because these different types of knowledge also have different impacts on discourse processing and discourse structures. Different types of knowledge may also be represented differently in memory.

ментальных моделях могут или должны (не должны) быть более или менее явно выражены в дискурсе, или оставаться полностью или частично неявными.

Эта краткая сводка оставляет многие вопросы без ответов, к примеру вопрос о природе воспроизводства знаний и способах хранения, извлечения, активации, использования и деактивации знаний во всех видах когнитивных задач, таких как взаимодействие и дискурс. Мы знаем и другие подробности о свойствах знания, описанных выше, но многие из более фундаментальных вопросов все еще остаются неразгаданными. Действительно, настоящая, подробная психологическая теория знания все еще стоит на повестке дня, особенно ее когнитивно-социальный интерфейс в социальной психологии.

3. На пути к типологии знаний

Элементом теории, которым пренебрегали как в эпистемологии, так и в психологии, является первая типология знания. Вместо традиционного, расплывчатого понятия "знание о мире", используемого в когнитивной науке, нам нужна гораздо более подробная и четкая формулировка различных видов знаний. Это необходимо, среди прочего, потому что различные типы знаний также оказывают различное влияние на обработку дискурса и его структуры. Различные типы памяти могут быть по-разному представлены в памяти.

Above we already have summarized a difference between personal, episodic knowledge, as represented in mental models of experience, and more general, abstract, social knowledge, as represented in social representations, respectively. However, both personal and social knowledge can be further differentiated, e.g., by the following typological criteria:

1. Kind: Knowing *that* (representation) vs. knowing *how* (procedures)

2. Social scope: Personal, interpersonal, social (group), cultural.

3. Level: Specific/particular, general events/states.

4. Ontology: Real, concrete, abstract, fictitious, historical, future, etc. events.

5. Strength: Being absolutely sure vs. being more or less sure.

Combining these criteria allow us to distinguish many different kinds of knowledge. Thus, the traditional distinction between personal mental models or experiences would be personal knowledge about specific events, whereas socially shared

Выше, мы уже подытожили разницу между личным, эпизодическим знанием, представленным в психологических моделях опыта, и, соответственно, более общим, абстрактным, социальным знанием, представленным в социальных представлениях. Однако как личностные, так и социальные знания могут быть в дальнейшем разграничены, например, по следующим типологическим критериям:

1. Вид: знание того, *что* (представление) против знания того, *как* (процесс)

2. Социальная сфера: личная, межличностная, социальная (групповая), культурная.

3. Уровень: Конкретные/единичные, общие события/состояния.

4. Онтология: реальные, конкретные, абстрактные, вымышленные, исторические, будущие и т.д. события.

5. Сила: быть абсолютно уверенным или быть более или менее уверенным.

Совмещение этих критериев позволяет нам различать множество разных видов знаний. Таким образом, традиционным различием между личными ментальными моделями или опытов было бы то, что, личное знание о конкретных

knowledge (e.g. of scripts) would be abstract and general. However, we also have general and abstract personal knowledge (e.g., about our friends) that is not represented in mental models of events. And we have socially shared knowledge that is not general or abstract, but represented in — often complex — mental models, such as our social knowledge about important historical events such as assassinations, accidents or wars, among many other events typically reported in the media or represented in history textbooks.

Important is also that knowledge is not simply an all or nothing mental state or representation, as different from "mere beliefs". Rather, it seems, much of what we assume to be knowledge, and socially acquire and use as such, is in fact hardly more than more or less firm belief. Most of our practical knowledge about the world is based on our personal experiences or learned from others, that is, usually through discourse, and much of this knowledge is rather gradual than absolute. We may think we know that Amsterdam is the capital of The Netherlands, but we would barely want to bet our yearly salary on it, if we also know that the government of The Netherlands is in The Hague.

событиях, тогда как социально разделяемое знание (например, о сценариях) абстрактное и общее. Однако у нас также есть общие и абстрактные личные знания (например, о наших друзьях), которые не представлены в ментальных моделях событий. И у нас есть социально разделяемые знания, которые не являются общими или абстрактными, а представлены в - часто сложных - ментальных моделях, например, наши социальные знания о важных исторических событиях, таких как убийства, несчастные случаи или войны, среди многих других событий, о которых обычно сообщают СМИ или которые представлены в учебниках истории.

Важно также, что знание — это не просто ментальное состояние "все или ничего" или представление, отличное от "простых убеждений". Скорее, похоже, что многое из того, что мы считаем знанием и социально приобретаем, и используем как таковое, на самом деле едва ли является чем-то большим, чем более или менее твердое убеждение. Большая часть наших практических знаний о мире основана на личном опыте или получена от других, то есть, как правило, посредством дискурса, и большая часть этих знаний скорее постепенна, чем абсолютна. Мы можем думать, что знаем, что Амстердам является столицей Нидерландов, но вряд ли захотим ставить на это свою годовую зарплату, если мы также знаем, что правительство Нидерландов находится в Гааге.

Especially relevant for the relation between discourse and knowledge is the fact that knowledge may be more or less personal, interpersonal, group-based, and hence shared with more or less other people. Indeed, one of the general pragmatic constraints of communication and interaction in discourse is that knowledge that is already believed or known to be known by recipients typically will remain implicit, or signaled as "old" or "probably shared" knowledge. Such a condition is reflected in the well-known appropriateness constraint of the speech act of assertion, for instance. That is, context models regulate such knowledge by temporarily representing (or strategically calculating) what recipients probably know or do not know. Thus, in everyday personal stories, what is not known is a personal experience, or mental model, of a speaker, whereas in textbooks, these are rather general, abstract, social types of knowledge. In this way, each epistemic community is at the same time also a discourse community: What is known in the community need not be explicitly expressed in the discourse of the community, except in didactic discourse, or when the consensus on what is known breaks down.

Особенно важным для связи между дискурсом и знанием является тот факт, что знание может быть более или менее личным, межличностным, групповым и, следовательно, разделяться с большим или меньшим количеством других людей. Действительно, одним из общих прагматических ограничений коммуникации и взаимодействия в дискурсе является то, что знания, в которые уже верят или о которых известно, известны получателям, обычно они остаются неявными или сигнализируются как "старые" или "вероятно, общие" знания. Такое условие отражено, например, в хорошо известном ограничении уместности речевого акта утверждения. То есть контекстные модели регулируют такие знания путем временного представления (или стратегического расчета) того, что получатели, вероятно, знают или не знают. Таким образом, в бытовых разговорах то, что неизвестно, — это личный опыт или ментальная модель говорящего, тогда как в учебниках это скорее общие, абстрактные, социальные типы знаний. Таким образом, каждое эпистемическое сообщество является в то же время и дискурсивным сообществом: То, что известно в сообществе, не обязательно должно быть явно выражено в дискурсе сообщества, за исключением дидактического дискурса или когда консенсус относительно того, что известно, рушится.

In sum, the many kinds of knowledge structures we have and make use of in discourse production may control many of the semantic and other properties of discourse. Since such knowledge not only is relevant for the speaker but also for the recipient and the shared knowledge (also about each other's knowledge) of the speech participants, we need a complex mental model of the 'knowledge situation' of the communicative event, that is, and this 'knowledge model' is of course part of the context models of the participants (Van Dijk 1999). In other words, the interface between the various knowledge structures of the mind and the actual processing of semantic and other properties of the discourse must be managed by a special component in our context model of the communicative event, that is, by a K-device of some kind that makes smart, strategic guess about how much recipients share of our knowledge, how much we express, convey and want to share, etc. We have only begun to understand some of the complicated work such a device needs to do so that we can speak, write, read and listen adequately in social situations in which many types of knowledge are strategically (made) relevant.

Подводя итог, можно сказать, что многие виды структур знаний, которыми мы располагаем и которые используем при производстве дискурса, могут управлять многими семантическими и другими свойствами дискурса. Поскольку такие знания актуальны не только для говорящего, но и для получателя, а также для совместного знания (также о знаниях друг друга) участников речи, нам нужна сложная ментальная модель "ситуации знания" коммуникативного события, то есть, и эта "модель знания" является конечно, часть контекстных моделей участников (Ван Дейк 1999). Другими словами, граница между различными структурами знаний разума и фактической обработкой семантических и других свойств дискурса должен управляться специальным компонентом в нашей контекстной модели коммуникативного события, то есть каким-то 3-устройством, которое делает умные, стратегические предположения о насколько получатели делятся нашими знаниями, как много мы выражаем, передаем и хотим поделиться и т.д. Мы только начали понимать некоторую сложную работу, которую должно выполнять такое устройство, чтобы мы могли адекватно говорить, писать, читать и слушать в социальных ситуациях, в которых многие виды знаний

<p>Thus, instead of having to represent vast amounts of knowledge presumably known by the recipient — a mental task that is of course impossible to carry out — we may have recourse to fast but fallible strategies that simply assume that most of what I know is shared by the members of my epistemic communities, possibly with the exception of some new knowledge about new events or social representations. It is this shared knowledge that is then strategically embodied in the presuppositions of current text and talk. It is this overall strategy that is applied by e.g. journalists when writing news reports, or by professors explaining something to students, and by all of us when telling about recent events in our daily lives.</p>	<p>стратегически (становятся) релевантными.</p> <p>Таким образом вместо того, чтобы представлять огромный объем знаний, предположительно известных получателю - умственная задача, которую, конечно, невозможно выполнить - мы можем прибегнуть к быстрым, но ошибочным стратегиям, которые просто предполагают, что большая часть того, что я знаю, разделяется членами моих эпистемических сообществ, возможно, за исключением некоторых новых знаний о новых событиях или социальных представлениях. Именно это общее знание затем стратегически воплощается в предпосылках текущего текста и выступления. Именно эту общую стратегию применяют, например, журналисты, когда пишут репортажи, или преподаватели, объясняющие что-то студентам, и все мы, когда рассказываем о последних событиях в нашей повседневной жизни.</p>
<p>4. Discourse and ideology</p> <p>In the discussion above about different kinds of knowledge, we already have encountered various elements of the debate about the difference between knowledge and ideology. Indeed, the classical distinction between knowledge (epistémé) and belief (doxa) is closely related to that between knowledge and ideology. This debate on the difference between knowledge and ideology has plagued the social sciences for nearly</p>	<p>4. Дискурс и идеология</p> <p>В приведенном выше обсуждении различных видов знания мы уже сталкивались с различными элементами дебатов о различии между знанием и идеологией. Действительно, классическое различие между знанием (epistémé) и убеждением (doxa) тесно связано с различием между знанием и идеологией. Этот спор о различии между знанием и идеологией</p>

two centuries since Destutt de Tracy invented the notion of 'idéologie' as the science of ideas, for instance in the work of Marx-Engels, Durkheim, Mannheim, Gramsci and many others in the social sciences. Until today, also in Critical Discourse Analysis, we find discussions about whether or not there is 'objective' knowledge, or merely social, intersubjective knowledge, and in what respect such knowledges are merely a social construct or 'true' about the 'facts'.

I shall ignore the long history of this debate here and merely examine the relations between ideology and knowledge more closely in the light of my current conceptions of these notions, as well as in relation to a theory of discourse.

Ideologies are by definition social, and shared by the members of a group. I have earlier assumed that such ideologies are general, abstract and fundamental, and organize other forms or social representations, such as attitudes. They may involve abstract group categories, such as identity and group relations, but also collective aims, norms and values. For this reason they often define what is good or bad, right or wrong, but ideologies also control our beliefs about the world, as is the case for religious or scientific ideologies. That is, ideologies may also control the evaluation criteria by which members of an epistemic community assess knowledge, for instance in terms of observational, inferential or

преследует социальные науки почти два столетия с тех пор, как Дестут де Траси изобрел понятие "идеологии" как науки об идеях, например, в работах Маркса-Энгельса, Дюркгейма, Мангейма, Грамши и многих других в области социальных наук. До сих пор в критическом дискурсе-анализе мы находим дискуссии о том, существует ли "объективное" знание или только социальное, интерсубъективное знание, и в каком отношении такое знание является просто социальной конструкцией или "правдой" о "фактах".

Здесь я пропущу длинную историю этих дебатов и просто рассмотрю отношения между идеологией и знанием более подробно в свете моих нынешних представлений об этих понятиях, а также в связи с теорией дискурса.

Идеологии по определению являются социальными и разделяются членами группы. Ранее я предполагал, что такие идеологии являются общими, абстрактными и фундаментальными и организуют другие формы или социальные представления, такие как установки. Они могут включать абстрактные групповые категории, такие как идентичность и групповые отношения, но также и коллективные цели, нормы и ценности. По этой причине они часто определяют, что хорошо или плохо, правильно или нет, но идеологии также контролируют наши представления о мире, как в случае с религиозными или научными идеологиями. То есть идеологии могут также

<p>statistical methods in science, or faith in religion.</p> <p>In other words, ideologies seem pretty close to what we have called socially shared group knowledge above, such as the specific knowledge shared by students, linguists, feminists, stamp collectors or the citizens of Barcelona.</p> <p>The next question which we may then ask is whether or not group ideologies and group knowledge are simply one and the same thing, or whether it makes sense, at least in a theory of discourse, to make a clear distinction, for instance because they differently affect discourse structures and processing strategies of production and comprehension.</p> <p>My response to this question is that it does make sense to distinguish between the ideology of a group, on the one hand, and the other social representations of a group, including their knowledge, on the other. As explained above, ideologies are more fundamental, and at the basis of social group representations such as knowledge and attitudes. This also means that such social representations of a group are necessarily ideologically biased.</p>	<p>контролировать критерии оценки, по которым члены эпистемического сообщества оценивают знания, например, с точки зрения наблюдательных, выводных или статистических методов в науке или веры в религии.</p> <p>Другими словами, идеологии кажутся довольно близкими к тому, что мы выше назвали социально разделяемым групповым знанием, таким как специфические знания, которыми делятся студенты, лингвисты, феминистки, коллекционеры марок или жители Барселоны.</p> <p>Следующий вопрос, который мы можем тогда задать: являются ли групповые идеологии и групповые знания просто одним и тем же, или же имеет смысл, по крайней мере в теории дискурса, провести четкое различие, например, потому что они по-разному влияют на структуры дискурса и стратегии обработки производства и понимания.</p> <p>Мой ответ на этот вопрос заключается в том, что действительно имеет смысл проводить различие между идеологией группы, с одной стороны, и другими социальными представлениями группы, включая их знания, с другой. Как объяснялось выше, идеологии являются более фундаментальными и лежат в основе представлений социальных групп, таких как знания и установки. Это также означает, что такие социальные представления о группе</p>
--	--

This is obvious for such social representations as attitudes, e.g., about immigration, abortion, divorce, the free market, and a host of other attitudes, since these presuppose norms and values that are embodied in different ideologies. But what about (specific) group knowledge? I think that such an ideological bias is indeed the case: What (anti)racists claim to 'know' about immigration, feminists about gender, doctors about illnesses, and so on, is indeed knowledge which in many ways is organized according to the ideological parameters of the group, including its aims, interests, etc. That is, group members tend to interpret and represent reality in accordance with what is in the best interests of their group. Of course, for personal reasons, and given different personal mental models and context models, individual group members may of course 'deviate' from such a dominant form of social representation. In other words, ideologies only control knowledge at the general, global level of the group, that is, shared knowledge, and not necessarily personal knowledge.

Such biased group knowledge may well be deemed to be mere beliefs or opinions by members of other groups. The criterion we have established for knowledge, however, is whether beliefs

обязательно идеологически предвзяты.

Это очевидно для таких социальных представлений, как установки, например, в отношении иммиграции, абортов, разводов, свободного рынка и множества других установок, поскольку они предполагают нормы и ценности, воплощенные в различных идеологиях. Но как насчет (особых) групповых знаний? Я думаю, что такая идеологическая предвзятость действительно имеет место: то, что (анти) расисты утверждают, что "знают" об иммиграции, феминистки о гендере, врачи о болезнях и так далее, действительно является знанием, которое во многих отношениях организовано в соответствии с идеологическими параметрами группы, включая ее цели, интересы и т.д. То есть члены группы склонны интерпретировать и представлять реальность в соответствии с тем, что отвечает наилучшим интересам их группы. Конечно, по личным причинам и с учетом различных личных ментальных моделей и моделей контекста отдельные члены группы могут, конечно, "отклоняться" от такой доминирующей формы социальной репрезентации. Другими словами, идеологии контролируют знания только на общем, глобальном уровне группы, то есть общие знания, и не обязательно личные знания.

Такие предвзятые групповые знания вполне могут рассматриваться членами других групп как простые убеждения или мнения. Однако критерий, который мы установили

are deemed to represent existing states of affairs by the criteria of the epistemic community. In other words, both in their perceptions, interactions or discourses, group members deal with such beliefs as corresponding to the 'facts'. That is, for all practical purposes they typically presuppose such beliefs in intra-group discourse, and deal with them as if they were knowledge.

Note though that this restricted form of the hypothesis about the ideological basis of group knowledge does *not* mean that all knowledge is ideologically biased, as is often assumed. I hold that beyond the group there is knowledge that is not ideological, but widely shared and presupposed in broader epistemic communities, for instance in the whole culture. It is this general, cultural Common Ground that is the basis of the whole culture. Without it, people of different groups and with different ideologies would be unable to cooperate or to communicate. Such knowledge is thus pre-ideological or post-ideological. Of course, this may change historically: What once was consensual knowledge of a culture may become mere belief later (as is the case for instance with many mythical or religious beliefs), and vice versa, for instance when scientific beliefs of a small group of scholars may become accepted as general knowledge later.

для знания, заключается в том, считаются ли убеждения представляющими существующие положения дел по критериям эпистемического сообщества. Другими словами, как в своем восприятии, так и во взаимодействиях или дискурсах члены группы имеют дело с такими убеждениями, которые соответствуют "фактам". То есть, для всех практических целей они обычно предполагают такие убеждения во внутригрупповом дискурсе и обращаются с ними так, как если бы они были знанием.

Заметим, однако, что эта ограниченная форма гипотезы об идеологической основе группового знания *не* означает, что все знания идеологически предвзяты, как часто это предполагается. Я считаю, что за пределами группы существует знание, которое не является идеологическим, но широко разделяется и предполагается в более широких эпистемологических сообществах, например, во всей культуре. Именно эта общая, культурная общность является основой всей культуры. Без этого люди разных групп и с разными идеологиями не смогли бы сотрудничать или общаться. Таким образом, такое знание является доидеологическим или постидеологическим. Конечно, исторически это может измениться: то, что когда-то было общепринятым знанием о культуре, может позже стать просто верой (как, например, в случае со многими мифическими или религиозными верованиями), и наоборот, например, когда научные

People of different ideological communities may have not only different attitudes about many issues, such as immigration, abortion, divorce, euthanasia or nuclear energy, but in a sense may even have different kinds of 'knowledge', that is, beliefs that they hold to be corresponding to the 'facts' as they see them. Thus, feminists will hold male domination as a social 'fact', and ecologists are protesting against the 'facts' of pollution by big companies, 'facts' that may be disputed by many males and many companies, respectively. However, there are a host of 'facts' that are not disputed at all, and that are part of the accepted knowledge shared by ideological opponents. Racists and anti-racists agree that there is immigration in Europe, that there are countries with borders, that people may have passports, and so on for millions of other items of 'common sense' knowledge. So long as such beliefs are not challenged by an ideological group, they function as the epistemic common ground of the broader epistemic community, such as a culture. Discursively, they function as the presupposed knowledge is all discourses of all competent members of that culture. As suggested before, if such knowledge were ideological, no communication and interaction would be possible between members of different ideological communities of a culture.

убеждения небольшой группы ученых могут позже стать общепринятыми знаниями.

Люди из разных идеологических сообществ могут не только по-разному относиться ко многим вопросам, таким как иммиграция, аборт, разводы, эвтаназия или ядерная энергия, но в некотором смысле даже иметь разные виды "знаний", то есть убеждений, которые, по их мнению, соответствуют "фактам", как они их видят. Таким образом, феминистки будут считать доминирование мужчин социальным "фактом", а экологи протестуют против "фактов" загрязнения крупными компаниями, "фактов", которые могут оспариваться многими мужчинами и многими компаниями соответственно. Однако существует множество "фактов", которые вообще не оспариваются и которые являются частью общепринятых знаний, разделяемых идеологическими оппонентами. Расисты и не расисты согласны с тем, что в Европе существует иммиграция, что есть страны с границами, что у людей могут быть паспорта и так далее по миллионам других пунктов знания 'здравого смысла'. До тех пор, пока такие убеждения не оспариваются идеологической группой, они функционируют как эпистемологическая общая основа более широкого эпистемического сообщества, такого как культура. Непоследовательно они функционируют как предполагаемое знание во всех дискурсах всех

We conclude that the question about the ideological nature of knowledge should therefore be resolved in this way: Some knowledge, especially of groups, may be ideologically biased, and yet not be called ideological beliefs by the group itself. On the other hand, in a broader context we must assume general knowledge that is not ideologically biased, at least not within the culture itself.

In other words, knowledge is inherently tied to the epistemic community in which it is defined as such. Does this open the way for general relativism? No, this is a definition of what could be called *relative relativism*. That is, a consequent form of relativism also makes relativism itself relative, as it should be. Thus, although from *the outside*, beliefs of a community may be seen as mere (ideological) beliefs, *within* the epistemic community, such beliefs may be taken as knowledge, so that intragroup interaction and communication are possible. That is, epistemic conflicts about knowledge and belief or opinion typically exist across group and culture boundaries.

компетентных представителей данной культуры. Как предполагалось ранее, если бы такое знание было идеологическим, никакая коммуникация и взаимодействие были бы невозможны между членами различных идеологических сообществ культуры.

Мы приходим к выводу, что вопрос об идеологической природе знания, следовательно, должен быть решен таким образом: некоторые знания, особенно групповые, могут быть идеологически предвзятыми, и все же сама группа не может называть их идеологическими убеждениями. С другой стороны, в более широком контексте мы должны предполагать общие знания, которые не являются идеологически предвзятыми, по крайней мере, не в рамках самой культуры.

Другими словами, знание неотъемлемо связано с эпистемологическим сообществом, в котором оно определяется как таковое. Открывает ли это путь для общего релятивизма? Нет, это определение того, что можно было бы назвать *относительным релятивизмом*. То есть последующая форма релятивизма также делает сам релятивизм относительным, каким он и должен быть. Таким образом, хотя *снаружи* убеждения сообщества могут рассматриваться как простые (идеологические) убеждения, *внутри* эпистемологического сообщества такие убеждения могут восприниматься как знания, так что внутригрупповое взаимодействие и коммуникация возможны. То есть

Group members usually know which beliefs are shared by members of other groups and which are not. This means that also the very meaning of the word 'knowledge', as shared with members of other groups, is often only applied to knowledge that is shared with others. It therefore often happens that what constitutes knowledge within a group, and is treated as such in intra-group interaction and discourse, may also often be called 'beliefs' when the group members know they are not shared outside the group. This is typically the case in religious groups who rather speak of what they 'believe' or 'believe in' than in terms of 'knowledge'. The same is true for the pervasive use of 'we think that' in ideological group discourse.

эпистемические конфликты по поводу знаний и убеждений или мнений обычно существуют вне групповых и культурных границ.

Члены группы обычно знают, какие убеждения разделяют члены других групп, а какие нет. Это означает, что также само значение слова "знание", которым делятся с членами других групп, часто применяется только к знаниям, которыми делятся с другими. Поэтому часто случается, что то, что составляет знание внутри группы и рассматривается как таковое во внутригрупповом взаимодействии и дискурсе, также часто может называться "убеждениями", когда члены группы знают, что они не разделяются за пределами группы. Обычно это имеет место в религиозных группах, которые скорее говорят о том, во что они "верят" или "во что верят", чем по отношению к "знанию". То же самое верно и для повсеместного использования выражения "мы так думаем" в идеологическом групповом дискурсе.